

—

В голове юноши вспыхнули слова, которые едва не пробудили в нем ностальгию.

- Слушай меня внимательно, брат: ты должен уничтожить тех, кто отнимает у нас.
- Твоих родителей забрали люди, пришедшие извне. Твоих отцов убили захватчики, принесшие скверну извне. Твою мать забрал ужасный демон, пришедший извне.
- Так уничтожь их, о брат. Уничтожь тех, кто отнимает у нас.
- Так сражайся, о брат. Сражайся, и мы сможем вернуть твою мать.

Далее раздался голос, по которому он не скучал, но который, вероятно, больше никогда не услышит.

- Ого. А кишка у тебя не тонка, если ты можешь смотреть, на то, что у меня здесь, без содрогания. Или, может, нет... Хмм. Твоя сущность крайне слаба. У меня есть для тебя хорошие новости:
 - Ты знаешь, что те так называемые маги, которые все время зовут тебя «братом», все мертвы?
- Юноша, вспомнивший эти два голоса, подумал о тех эмоциях, которые он испытал, когда впервые их услышал. Он просто впитывал слова, без злости или печали. «Вот как» было единственной его мыслью. Он верил, что это вполне естественно, но когда услышал последние слова — в то время он был еще мальчиком — то осознал.
- Ах да, а твоя мама... умерла много лет назад в стране под названием Япония.

Осознал, что он, ничего не почувствовавший при звуке этих глумливых слов, чем-то отличался от своих братьев, которые кричали и рыдали вокруг него, услышав то же самое.

Интересно, почему я вспоминаю это сейчас?

Юноша шел один по болотистой местности. Армейские защитные очки скрывали его глаза, в его распоряжении было много оружия и Тайных знаков, но было в нем что-то такое, что отличало его от обычного солдата или мага.

Ах да, разумеется.

Продолжая свой одинокий марш, без союзников или врагов, юноша снял левую перчатку. На тыльной стороне его ладони зловеще выделялся похожий на татуировку узор, бурливший магической энергией. Изучая командные заклинания — метку Мастера в Войне за Святой Грааль — он прищурил глаза, в которых читался легкий намек на раздражение.

Потому что та, что подарила мне жизнь, погибла в другой «Войне за Святой Грааль»...

Он слышал, что в правильной Войне за Грааль, Святой Грааль избирает магов, достойных нести командные заклинания. Предположительно, он был разработан таким образом, чтобы командные заклинания проявлялись, в первую очередь, у членов трех семей-основателей — Айнцберн, Макири и Тосака — Но в Святой Грааль Сноуфилда такая пристрастность не была внедрена. Согласно плану, два набора командных заклинаний для Героических душ, призванных в качестве жертвоприношений для «разжигания огня», должны были появиться у начальника полиции и мага семьи Куруока, в то время как каждый из семи наборов командных

заклинаний для истинных Героических душ был предназначен для зачинщиков этой Войны для Святой Грааль и их сообщников.

- ...

Юноша молча смотрел на свои командные заклинания. В его взгляде не было ни замешательства, ни ярости, ни радости; ни малейшего намека на то, что можно было бы назвать эмоцией.

Юноша надел перчатку и продолжил свой одинокий путь в полном молчании.

Его звали Сигмой. Это было не имя, всего лишь символ. Это слово не несло в себе никакого смысла. Всего лишь одна из букв греческого алфавита, призванных отличить один «экспериментальный образец» от другого. Теперь же, когда большая часть этих «образцов» была утеряна, даже его роль идентификатора начала терять всякое значение.

Сигма осознавал свое нынешнее положение наемника, способного использовать простую магию. День за днем он бесстрастно выполнял приказы своей нанимательницы, которая затащила его на «эту сторону».

Задание же, которое ему было поручено в этот раз, несколько отличалось от прежних. Он должен был принять участие в операции, которая не была похожа на обычное военное столкновение — Войне за Святой Грааль.

И все. Ему было приказано просто призвать некое существо, именуемое Героической душой, и вступить в сражение. Не нужно было превентивно уничтожать врагов или оказывать кому-то поддержку.

- После призыва Героической души делай что хочешь. Можешь перебегать с места на место по мере необходимости, можешь даже нагрянуть ко мне, чтобы убить, это будет по-своему весело! «Революция», как это еще называют, да? Совсем как то, что произошло в твоей стране!

Но было ли это действительно то же самое? Юноша подумал, вспоминая слова своей нанимательницы, произнесенные насмешливым тоном: Будет ли мое неповиновение ей сравнимо с разрушением той страны?

Не сбавляя шаг, юноша на какое-то время всерьез задумался над пустыми насмешками своей нанимательницы, но так и не смог прийти к заключению.

Эта странная штукавина, Святой Грааль. Интересно, ответит ли он, если я спрошу его об этом?

К тому моменту, как поток его мыслей стал почти что не свойственным как магу, так и обычному человеку, юноша достиг своего пункта назначения: небольшого особняка, стоявшего посреди района болот и, на первый взгляд, заброшенного.

- Все необходимое для ритуала уже на месте, так что тебе нужно лишь совершить призыв! Я уже обо всем позаботилась, в том числе о расходном катализаторе! Ах да, и не нужно докладывать, о том, что появится, даже мне. Гораздо веселее, когда нечто подобное оборачивается сюрпризом!

Так сказала его нанимательница, но Фалдеус предупредил: «Обязательно доложи мне в личном порядке о Героической душе, которую ты призовешь.» Фалдеус, в отличие от Франчески, не был его непосредственным нанимателем, но она не дала прямого запрета на разглашение,

значит, он вполне мог сообщить о результатах Фалдеусу, раз это не имело значения.

Что же касается имущества мага, призвавшего одну из временных Героических душ, или же того, что за Героическая душа была призвана, Сигму это не особо интересовало. Он, не веривший в какие-либо высшие силы, не ведал о том, что Героическая душа, призванная в подвале этого особняка, была его полной противоположностью. Он также не знал о том, что существо, которое он был готов призвать, едва ли можно будет назвать героем или духом — нет, это будет гораздо более странный феномен.

Это был рассвет первого дня войны. Все кусочки стягивались на извращенное поле боя под названием Сноуфилд, но никто даже представить себе не мог, что за картина из них в конечном итоге получится.

Интерлюдия

□Конец бегства□

Это история беглянки.

Женщины, что отвела взор от собственного греха и повернулась спиной к настигавшему ее «наказанию». У нее не было надежды, не было цели; она не знала даже каков будет следующий шаг на ее пути. Она просто продолжала убегать. Даже зная, что в конце пути ее ждет лишь разрушение, беглянка продолжала отчаянно цепляться за что-то.

В городе Фуюки был такой многоквартирный дом, Семина. Именно там все началось, и для нее это был конец света. Воспоминания о времени, предшествовавшему заселению в этот дом, перестали для нее что-либо значить. Один побег следовал за другим, и все ее прошлое, не связанное с этим, постепенно исчезло. Остались лишь осознание вины и страх наказания. И фигура «чего-то», похожего на девочку, в красном капюшоне, продолжавшая следить за ней.

Существовало ли это «нечто» на самом деле, или же это была лишь иллюзия, порожденная ее чувством вины — этого не знала даже она. В конце концов, поскольку она продолжала видеть это «нечто», ей было все равно. По крайней мере, так она думала.

В поисках спасения она добралась даже до церкви на холме в городе Фуюки. Теперь это было лишь смутное воспоминание, но она чувствовала, что священник что-то сказал ей тогда. Это было лишь чувство, поскольку все воспоминания о том времени были расплывчатыми.

- ..., ____ будет _____...

Возможно _____ справиться...

Она знала, что это было странно, но всякий раз, когда она пыталась вспомнить, у нее начинала болеть голова.

- В конце концов, ____ это...

Она не могла вспомнить, и это было странно, но чувство, что она никогда больше не должна подходить в этой церкви, по крайней мере, превратилось в инстинкт, словно боязнь огня у диких животных.

После она сбежала из города Фуюки и бессмысленно блуждала месяцами, затем годами. Постоянно чувствуя присутствие «Маленькой Красной шапочки» во мраке за ее спиной, во

тьме ночи, по другую сторону теней, порожденных городскими огнями.

Что же мне делать?

Не в силах выдержать напряжение, она продолжала блуждать от места к месту, словно живой мертвец. Наконец, словно привлеченная чем-то, она вернулась в Фуюки.

В городе до нее дошли слухи о том, что священник сменился, но она все равно не смогла заставить себя подойти к той церкви. Семина был ее домом, но туда она тоже не могла вернуться. В итоге она лишь заставила свое безвольное тело бесцельно таскаться по городу.

Затем, во время поисков места, где можно было бы остановиться, она услышала про «дом в западном стиле в лесу». Когда ей стало известно о других слухах, вроде того, что в этом доме появляются призраки, она невольно заинтересовалась.

Если слухи не врал, если там действительно обитали призраки, она должна была увидеть их собственными глазами. Так она смогла бы удостовериться в том, была ли «Маленькая Красная шапочка», следившая за ней из тьмы, одной из них или нет. Так она сказала себе, но, может быть, она просто искала место, чтобы умереть.

Затем она узнала о схожих слухах про храм на горе и наведалась туда, но ничего не увидела, кроме необычной рыбы, шумевшей в пруду. Поэтому она перестала всерьез полагаться на слухи. Несмотря на это, ей пришла в голову мысль, что наведаться в лес всяко лучше, чем сидеть в городе. По крайней мере, в лесу «Маленькая Красная шапочка» не появится.

Следуя правилам, о которых она узнала в течение своего продолжительного бегства, она шла среди деревьев, которые напоминали ей ведьмин лес из сказки. Затем перед ней возник огромный особняк в западном стиле, никак не вязавшийся с атмосферой страны. Прежде чем она успела оценить всю жуть столь большого сооружения, тайного возведенного в лесу, ее ошеломил величественный вид особняка. Его вполне можно было назвать замком.

Беглянка лишь изучила замок издалека, ни разу не попытавшись проникнуть внутрь. Она страшилась того, что столь огромный особняк мог быть оборудован каким-нибудь служебным лифтом.

«Красная шапочка появляется в лифтах».

Это было одно из правил по очевидной причине.

Она осторожно кружила вокруг замка, чувствуя при этом, как в ее сердце что-то изменилось.

Что это может быть? Нечто странно, как бы сказать... ммм... успокаивающее. Да, так и есть.

Она не знала, почему, но впервые за эти годы она почувствовала облегчение. После этого она ходила к замку в лесу еще много раз. Внутри не заходила ни разу; просто взирала на неизменный пейзаж.

Несколько месяцев спустя она вновь наведалась к замку и услышала спорившие о чем-то женские голоса. Она удивилась тому, что наткнулась здесь на первый за все это время признак человеческого присутствия, но не сочла это чем-то странным. Цветы, в саду были ухожены, из чего уже можно было сделать вывод, что кто-то, по крайней мере, присматривает за этим местом. Ей было любопытно посмотреть, что за люди были в обслуживающем персонале замка, поэтому она медленно пошла на голоса, держась в тени деревьев.

Вскоре она увидела двух женщин. На первый взгляд ей показалось, что они были близняшками или, по крайней мере, сестрами, потому что их черты были слишком похожи. Прекрасный серебристый цвет их волос был настолько чистым, что она поначалу приняла его за белоснежный, а вид их белой кожи вызвал в ее голове образ снежного поля. Своими красными глазами, которые были отчетливо видны даже издалека, они тоже были похожи.

Эти двое, судя по всему, о чем-то спорили, но одна, казалось, пыталась убедить другую, поведение которой указывало на то, что она попросту изливала свой гнев.

- В этом нет никакого смысла! Филия, какого черта ты—

- Довольно! Я не стану на вас полагаться... Сама все сделаю!

Кто они такие? Может, этот замок — своего рода загородный дом какого-нибудь иностранного миллионера, а эти двое — его прислуга? — задумалась беглянка, наблюдая за «белоснежками». Ей, однако, показалось, что этих женщин окружала аура отличия, рядом с которой меркла даже та, которой обычно обладали иностранцы.

Словно они соскочили со страниц сказки...

Поглощенная фантастическими предположениями, беглянка даже не заметила, что не скрыла должным образом свое присутствие.

- Даже если это будет означать отречение от семьи Айнцберн, я—

Разъяренная женщина внезапно замерла.

- ...Кто здесь?

Лицо женщины, с которого она, повернувшись к ней, стерла все эмоции, было невероятно прекрасным. И это было последнее, что она запомнила. Ее воспоминания после того, как их взгляды встретились, расплывались, как и те, что остались после посещения церкви. Вероятно, ее подвергли внушению или воздействию какой-то магии. Факт того, что подобные вещи существуют на самом деле, позже вбила в ее голову «белоснежка».

- Ты ____? Или ____.

В отличие от церкви, она не чувствовала отвращения к замку или к самим этим женщинам.

- Что за совпадение? Это не может ____...

Не может быть настолько... Нет, не важно.

Стон, однако, который раздавался в глубинах ее головы всякий раз, когда пыталась вспомнить, что же с ней произошло, был неизменным. Она была уверена, что ее подвергли внушению или чему-то подобному. Или, возможно, это было тем же, что с ней сделали в церкви священник и ____.

_____.

Нечто, что было тогда вместе со священником. Когда она пыталась вспомнить это существо, мозг начинал скрипеть, а воспоминания — расплываться.

Женщина в замке и священник. Она прекрасно знала, что это именно они направили ее по

этому пути, когда она была простой беглянкой, но, как бы она ни пыталась, ей не удавалось вспомнить слова, что они сказали ей при встрече. Туманные, черные и белые воспоминания вихрились в ее голове, словно разделенные половинки инь-ян.

Но она помнила то, что священник сказал существу рядом с ним.

- Ее судьба пробудила во мне интерес. Как и ты когда-то, не так ли?

И помнила то, что сказала ей женщина в замке.

- У тебя нет права выбирать свою судьбу. Я наделю твою жизнь смыслом.

Слово «судьба», отчетливо выделявшееся в произнесенных ими фразах, стало проклятием, и в итоге беглянка отдалась течению, которое унесло ее из Японии, как и сказала женщина. Даже теперь беглянка — Садзё Аяка — вовлеченная в загадочную войну в Америке, продолжала блуждать в поисках ответов.

Как мои преступления могут быть прощены?

Какого черта я должна сделать в этом городе...?

Америка. Сноуфилд. Ночной клуб.

Подвал старого здания в центре города.

Над возведенной здесь сценой для живых выступлений, которую нельзя было назвать просторной, разносилась пасторальная мелодия. Тон и ритм мотива, который выводила электрогитара, поначалу, казалось, плохо сочетались друг с другом, но мелодия постепенно набрала темп, обзавелась своеобразным ритмом и преобразилась в звук, прекрасно сочетавшийся с атмосферой ночного клуба. Она словно на лету подстраивалась под музыкальный инструмент.

Закончив играть, гитарист произнес:

- Вот... как вам?

Парень, сжимавший электрогитару, никак не вязался даже с изначальной, пасторальной мелодией. Он был закован в великолепную броню; бриз от кондиционера шевелил его светлые волосы, в которых виднелись красные пряди. После этих слов Героической души — Сэйбера — собравшиеся вокруг него мужчины и женщины с широко распахнутыми глазами взорвались возбужденными отзывами:

- Ого... Да ты жжешь! Это был твой первый раз, серьезно?

- Поразительно... У тебя есть стиль. Я вначале была уверена, что ты стэндапер какой-нибудь.

На голове каждого из шумной публики красовались яркие, разноцветные могавки, и все они щеголяли кожаной одеждой, пирсингом и татуировками, изображавшими всякую потусторонщину. Всем своим видом они словно олицетворяли слово «колючий», но на их лицах сияли дружелюбные улыбки, и все восхищались человеком, который в каком-то смысле выглядел даже больше не от мира сего, чем они.

- Ты ждешь, что мы поверим в то, что ты в первый раз взял гитару в руки? ...сказал бы я, но мне почему-то кажется, что ты не врешь.

- Не хочу показаться грубой, но ты мог бы срубить денег за это представление.

Сэйбер с довольным, но застенчивым видом покачал головой:

- О, мне не сравниться с профессионалами, вроде вас. Сегодня я впервые коснулся одной из этих «электрогитар», но я учился играть на струнном инструменте когда-то давным-давно.

- Говорю тебе, ты очень даже хорош! Кстати, что это была за мелодия? Никогда такую не слышал.

- Однажды, давным-давно, я грубо просчитался, и меня схватили, - с улыбкой ответил Сэйбер, словно для него это было теплое воспоминание. - Я лишь пытался ускорить мелодию, которую сочинил из прихоти, пока сидел за решеткой.

- То есть, ты и сочинять умеешь? И ты что, бывший заключенный?

- Это ведь ты, да? Парень, арестованный недавно в прямом эфире, который толкнул речь?

Сэйбер застенчиво кивнул в ответ на вопрос женщины в панковском наряде.

- Смотрели, значит. Ну, я сказал слишком мало, так что едва ли это можно назвать речью, но...

- Погоди, ты сбежал что ли? Круто.

- Мы всего лишь покинули участок, дабы не угодить в суматоху, воцарившуюся тогда в полицейском участке. Хотя не мне судить, можно ли это считать побегом или нет, - вежливо ответил Сэйбер, пожав плечами. Молодежь вокруг него раззадорилась еще сильнее.

- Мужик, это было потрясно! А что это было? Я про тот взрыв.

- Похоже, отелю тоже нехило досталось.

- Кстати, я слышал, что незадолго до этого кто-то выиграл в казино такую сумму... Если скажу, не поверите.

- ...

Фигура, что стояла, прислонившись спиной к углу сцены, молча слушала разговор молодых людей. Девушка, одинокая беглянка — Садзё Аяка — покачала головой и простонала про себя:

И это моя судьба?

В конце своего бегства она оказалась в ночном клубе. Ее окружали молодежь, одетая по панк-моду — никого похожего в Фуюки она не знала — и надоедливая Героическая душа, которая продолжала бесстрашно переступать через ее запреты.

- Мне неловко перед такими профессионалами, как вы, но я только что сочинил новую мелодию. Не против, если я ее сыграю?

- Конечно, валяй. С удовольствием послушаем, что у тебя получится.

- Спасибо! Может, ты тоже послушаешь, Аяка? Я бы хотел после спросить твое мнение.

Она посмотрела на Сэйбера, который вновь начал брэнчать на гитаре. Наконец, она испустила

вымученный вздох, словно отвергая ту свою частичку, которую тронула его игра.

Какого черта я делаю?

<http://tl.rulate.ru/book/6511/144359>